

Thomas D. A. Revelation 19 in Historical and Mythological Context. N. Y.; Bernet al.: Peter Lang, 2008 (Studies in Biblical Literature; 118). XII, 201 p.

Хотя в заглавии данной книги говорится о 19-й главе Откровения Иоанна Богослова (далее Откр) в целом, на самом деле она посвящена рассмотрению лишь второй ее половины, то есть Откр 19. 11–21. Этот отрывок является одним из самых ярких и богословски значимых в Апокалипсисе. В нем описывается явление Христа сквозь «отверстое небо» в виде всадника на белом коне и Его победа в эсхатологической брани над воинством Его противников во главе со «зверем» и «лжепророком». Это событие в характерной для Апокалипсиса манере неоднократно в нем предвосхищается: в Откр 6. 2 перед взором Тайнозрителя появляется всадник на белом коне, вышедший, «чтобы победить»; в 14. 14–16 описывается явление «подобного Сыну человеческому», сидящего на светлом облаке и совершающего жатву находящимся в Его руке серпом; в 16. 16 говорится о собирании выходящими из уст дракона, зверя и лжепророка тремя нечистыми духами «царей всей вселенной» на брань «в оный великий день Бога Вседержителя»; в 17. 14 предсказывается победа Агнца над десятью царями, принявшими со зверем власть на один час. Однако лишь в Откр 19. 11–21 содержится относительно развернутое, целостное и завершенное описание эсхатологической брани. В этом описании без труда распознаются ветхозаветные по происхождению образы и мотивы: это и явление божественного Воина в Ис 63, и образ царственного Жениха в Пс 44, и битва с языческими полчищами, завершающаяся пожиранием зверями и птицами трупов в Иез 38–39, и огненная река и сожжение «зверя» в Дан 7. Однако есть в рассматриваемом фрагменте Апокалипсиса и такие детали, которые не имеют столь очевидных библейских прообразов. Именно исследованию внебиблейского фона Откр 19. 11–21 и посвящена книга американского ученого Д. Э. Томаса, являющаяся переработанным вариантом его диссертации, защищенной в Южной баптистской богословской семинарии (Southern Baptist Theological Seminary) в США.

Книга состоит из пяти глав, за которыми следуют библиографический список и указатели. В первой — вводной — главе (с. 1–20) автор в качестве исходной проблемы исследования указывает на недостаточную ясность отдельных образов и их сочетаний в рассматриваемом фрагменте Апокалипсиса. Затем он отмечает, что, помимо лежащей в основании образности Откр 19. 11–21 ветхозаветной традиции, для полноценного восприятия данного отрывка должны быть привлечены и определенные реалии современной Тайнозрителю культуры. Та-

кими реалиями, по мнению Томаса, являются римский триумф (в строго терминологическом значении определенного ритуала) и миф об «ожившем» Нероне (Nero redivivus). Последний, включая в себя представление о возвращении императора во главе парфянской армии, влечет за собой отдельное рассмотрение места парфян в представлениях современников Тайнозрителя. В конце первой главы автор предлагает краткий обзор исследований, посвященных отражению и использованию в Апокалипсисе указанных выше библейских и небиблейских традиций. Он приходит к выводу, что, хотя учеными и проделана значительная работа, все же, ввиду фрагментарности их исследований, ряд вопросов относительно отдельных нюансов Откр 19. 11–21 остается без ответа. Свою задачу Томас видит именно во всестороннем рассмотрении традиций, выделенных им в качестве «фона» для исследуемого отрывка, результатом чего стало бы заполнение существующих экзегетических лакун.

Вторая глава книги (с. 21–89) посвящена рассмотрению римского триумфа. В начале автор описывает сам ритуал, обозревает его историю и устанавливает его смысл. Он особо подчеркивает значение изменений, произошедших во внешнем оформлении и осмыслении триумфа в начале эпохи принципата, когда эта церемония стала одним из проявлений императорского культа: «эпифанией» наделяемого божественным статусом императора-«спасителя». Важным является введение, начиная с Цезаря, запрещенных ранее для подобного употребления белых коней, ассоциировавшихся с божеством (прежде всего, с Аполлоном), но главное — это превращение триумфа по воле Октавиана из торжества непосредственного победителя-военачальника в личную привилегию императора. Далее Томас кратко разбирает места из Евангелий и посланий ап. Павла, в которых можно усмотреть отражение тех или иных аспектов триумфа, после чего сопоставляет эту римскую церемонию с образностью и содержанием Откр 19. 11–21, выделяя те нюансы текста, которые получают свое полноценное объяснение именно в результате такого сопоставления. К их числу могут быть отнесены обгаренная кровью одежда Всадника-Христа и белые одежды следующих за Ним небесных воинств, белый цвет коней, множество диадем на голове Христа, Его железный жезл, пленение зверя и лжепророка и их ввержение живыми в огненное озеро. Автор не настаивает на том, что указанные детали должны рассматриваться исключительно в свете римского триумфа. Он отмечает, например, что образ железного жезла имеет очевидное библейское происхождение (ср.: Пс 2. 9; Ис 11. 4; 49. 2), что римский триумфатор не восседал на коне, а использовал четверку лошадей — квадригу, и что вовсе не восточная диадема украшала его голову. Очевидно, что толкование Откр 19. 11–21 требует привлечения и иного материала. Однако образы рассматриваемого отрывка в своей совокупности и в сочетании с доминирующим в нем мотивом явления божественного Победителя свидетельствуют о том, что привлечение римского триумфа в качестве одной из составляющих общего «фона» Откр 19. 11–21 значительно обогащает его восприятие. Истинный Победитель и Спаситель, подлинный «носитель Божества» — это Христос, а вовсе не император, незаконно восхитивший себе это достоинство, — вот мысль, которая прочитывается в этом фрагменте Апокалипсиса.

В третьей главе (с. 91–109) автор рассматривает легенду о Nero redivivus. Томас сразу отмечает, что он не предлагает здесь ничего нового по сравнению с тем, что уже известно из первоисточников и многочисленных научных исследований. Свою специальную задачу он видит в привлечении легенды к экзегезе именно Откр 19. 11–21. Не умерший, а лишь таинственно исчезнувший Нерон, возвращающийся в Рим с войсками и совершающий отмщение, может рассматриваться как антитетический прообраз Христа, низлагающего зверя и лжепророка. Однако отражение легенды в Апокалипсисе обычно видят не в этом отрывке, а в таких местах, как Откр 13. 3, 12, 14; 17. 8, 11. Связь легенды и фрагмента, являющегося предметом исследования данной книги, устанавливается благодаря тому, что, согласно ей, Нерон вернется и захватит Рим, возглавляя парфянские войска. Именно этот аспект становится предметом рассмотрения в следующей главе.

Четвертая глава (с. 111–146) озаглавлена автором «Парфяне и великий царь». В ней Томас обзревает историю парфян, в частности, их взаимоотношения с Римом и иудеями, отдельно останавливается на образе парфянского монарха и устройстве парфянской армии. Затем он выделяет те мотивы Откр 19. 11–21, в которых можно усмотреть отражение парфянской тематики. Это образ всадника на белом коне, увенчанного множеством диадем, его титул «Царь царей» и следующая за ним конница. Во внимание должны быть приняты и образы меча и огня. Таким образом, по мнению автора, торжествующий над зверем и его воинством Христос описан с использованием черт окруженного своими войсками парфянского царя, образ которого, в свою очередь, вплетен в ткань легенды о Нероне.

Пятая глава (с. 147–171) содержит экзегетическое резюме рассматриваемого отрывка Апокалипсиса, включающее его краткое постижное толкование с привлечением всех отмеченных в предыдущих главах триумфальных и парфянских образов. Затем автор определяет место фрагмента в общей драматургии Откр, высказывает некоторые методологические соображения, касающиеся соотношения языческого и библейского по происхождению материала в апокалиптической литературе, и указывает перспективы будущих исследований рассмотренных в книге тем.

В целом книга Томаса рисует следующую картину. Во время написания Апокалипсиса существуют две мировые империи — Римская и Парфянская, — сталкивающиеся между собой как раз в тех регионах, которые находятся в поле зрения Тайнозрителя. Рим безусловно оценивается в Откр как богоборческая держава, как зверь, которому «дано вести войну со святыми и победить их» (Откр 13. 7). С Парфянским царством его связывает легенда о Nero redivivus, согласно которой персонифицирующий римское богоборчество император после своего низложения в Риме укрылся у дружественных ему парфян, чтобы с ними вернуться и совершить Риму отмщение. Эта легенда, согласно Томасу, возникает на фоне широко распространившихся на Ближнем Востоке в эпоху эллинизма и римского господства ностальгии по славному древнему прошлому и мечтательных надежд на грядущее избавление от ненавистной западной тирании. На иудейской почве примерами выражения подобного рода настроений могут считаться тре-

тья Сивиллина книга и кумранский Свиток войны, на персидской — сохранившееся у Лактанция пророчество Гистаспа и апокалиптический памятник Бахман Яшт (Томас указывает также и египетские памятники). В историософии Апокалипсиса, откликающегося на события и проблемы современности, вырисовываются, в соответствии с этим, два плана. В перспективе, которую можно условно назвать «метафизической», есть только один подлинный Властитель — это Бог и Его Помазанник, который есть «Владыка Царей земных» (Откр 1. 5). Любая земная власть, претендующая на божественный статус и, тем более, преследующая поклонников истинного Бога, — незаконна. В перспективе же «исторической» или даже просто «бытовой» любая тирания вызывает обоснованный «воплъ к небу». Но подлинным Спасителем от угнетения является не какой-то мифический «царь с востока», а Божественный Логос. Сочетая два эти плана, Тайнозритель описывает пришествие торжествующего Христа, используя наряду с традиционной библейской образностью как римские, так и парфянские мотивы в качестве антитетических прообразов явления Спасителя. Переплетение этих мотивов задано легендой о «парфяно-римском» Нероне. Получается довольно сложная «вязь» антитипов, в которой «зверь» Нерон, играя роль восточного отмстителя той самой богоборческой империи, во главе которой он «упивался кровью святых», оказывается прообразом Сидящего на коне, ввергающего его самого в огненное озеро.

Труд Томаса производит весьма благоприятное впечатление. Отдельные детали исследования могут вызвать вопросы и возражения, но, в общем и целом, в книге предложено убедительное прочтение одного из центральных по значимости отрывков Апокалипсиса. Очевидным ее недостатком представляется лишь то, что восходящая еще к Иринею Лионскому датировка Апокалипсиса правлением императора Домициана приемлется с ходу, без какого бы то ни было серьезного обсуждения. А ведь в последнее время появилось достаточное количество публикаций, отстаивающих его более раннюю датировку 69–70 годами, которая ставит вопрос о возможности распространения в столь короткий срок легенды об умершем в 68 г. Нероне. Поэтому возникает ощущение некоего пробела в аргументации. Тем не менее, этот пробел не ухудшает общего впечатления от труда американского ученого. Отправляясь от историко-филологического анализа и завершаясь глубокими богословскими выводами, сочетая осознание библейской основы языка Тайнозрителя с вниманием к использованию им образов и идей из окружающего его языческого мира, данная книга представляет собой весьма удачный пример квалифицированного и гармоничного экзегетического исследования.

*А. С. Небольсин
(ПСТГУ)*